

и другъ другу. Петербургъ можетъ похвалиться передъ Москвой такими хорошими сторонами, какихъ въ ней нѣтъ, и отсутствіемъ такихъ недостатковъ, которые въ ней есть; Москва въ свою очередь можетъ на достаточномъ основаніи сдѣлать то же самое въ отношеніи къ Петербургу. Но именно то, что, кромѣ общихъ имъ выгодныхъ сторонъ, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свои собственные, — это-то самое и дѣлаетъ ихъ и необходимыми и полезными другъ другу, и должно соединять ихъ, вмѣсто того, чтобъ раздѣлять. Подобное отношеніе должно быть источникомъ не споровъ, а взаимнаго другъ на друга полезнаго вліянія. Петербургъ — резиденція правительства и въ административномъ смыслѣ центральный городъ Россіи, хотя и стоять на одной изъ ея оконечностей; Петербургъ — окно въ Европу, посредникъ между Европой и Россіей. Такой роли не могъ бы играть городъ съ иностраннымъ народонаселеніемъ, какъ, напр., Ревель или Рига, хотя бы это былъ и столько же огромный, какъ Петербургъ, городъ. Москва — центральный городъ Россіи по географическому положенію. Вся сѣверо-восточная, восточная и южная Россія и съ самимъ Петербургомъ сносится черезъ Москву. Сверхъ того, Москва — городъ по преимуществу промышленный, торговый и, по своему университету, городъ науки. При этомъ не должно упускать изъ виду, что Москва есть городъ древній, историческій, городъ преданія, представительница народнаго духа. Петербургъ, напротивъ, городъ новый, построенный на завоеванной землѣ, торговая колонія, разросшаяся въ столицу; его почва чужда преданій; онъ кипитъ народонаселеніемъ преимущественно наноснымъ, приплывающимъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи, большей частью чисто русскимъ, меньшей частью обрусѣлымъ иностраннымъ. Это послѣднее никогда не можетъ дать ему иностраннаго характера, уже по одному тому, что оно состоитъ изъ людей разныхъ націй и вѣроисповѣданій, и потому не представляетъ собою сплошной массы, которая бы могла контро-балансировать съ массой русскаго народонаселенія Петербурга. Находясь подъ вліяніемъ русскихъ законовъ и тѣмъ болѣе чувствуя нравственный перевѣсъ надъ собою массы русскаго народонаселенія, эти иностранцы скоро дѣлаются почти русскими, дѣти же ихъ — совершенно русскіе; а между тѣмъ въ торговлѣ, въ ремеслахъ, въ формахъ жизни они приносятъ съ собою новыя, необходимыя намъ элементы. Благодаря морю и пароходству, Петербургъ отдѣленъ отъ Европы только тремя сутками пути; а благодаря желѣзнымъ дорогамъ, безъ прерыва идущимъ теперь отъ Штетина до Га-

вра, онъ ближе всѣхъ другихъ русскихъ городовъ и къ Парижу, и къ Лондону. Черезъ Петербургъ передаются Россіи всѣ новѣйшія изобрѣтенія, сдѣланные въ Европѣ, по части наукъ, искусствъ, мануфактуръ, ремеслъ. Такимъ образомъ безъ Петербурга Москва представляла бы только крайность народнаго начала, не оживляемаго и не умѣряемаго элементами европейской жизни; а Петербургъ безъ Москвы имѣлъ бы на провинцію болѣе административное, нежели живое нравственное и социальное вліяніе, потому что если Петербургъ есть посредникъ между Европой и Россіей, то Москва есть посредникъ между Петербургомъ и Россіей. Называя Петербургъ посредникомъ между Европой и Россіей, мы не думаемъ этимъ сказать, что, только живя въ немъ, можно слѣдить за успѣхами наукъ и искусствъ въ Европѣ. Напротивъ, это можно дѣлать, живя не только въ Москвѣ, но и въ Тамбовѣ и въ Саратовѣ. Но подобное наблюденіе успѣховъ ума человѣческаго въ Европѣ внѣ Петербурга возможно только для отдѣльныхъ лицъ, а не для массъ. Можно, напримѣръ, и живя въ Москвѣ, знать лучший способъ кладки камня и кирпичей при строеніи зданий; но говорятъ, при постройкѣ кремлевскаго дворца и храма Спасителя въ Москву было привезено изъ Петербурга нѣсколько работниковъ для наученія московскихъ мастеровъ надлежащему способу класть кирпичъ при выводѣ свѣтъ. Безъ сомнѣнія, московскіе архитекторы знали, какъ кладется въ Европѣ камень и кирпичъ; а въ Петербургѣ мастеровые, не заботясь объ Европѣ, умѣли класть кирпичъ, какъ кладутъ его тамъ.

Этого простой и ничтожный, повидимому, фактъ показываетъ, какое вліяніе имѣетъ Петербургъ по своей близости къ Европѣ не на однѣ избранныя личности, но на самую жизнь Россіи. Его роль чисто практическая; его вліянія надо искать не въ однихъ книгахъ, но въ нравахъ, въ образѣ жизни. Его замѣчательнѣйшія учебныя заведенія — спеціальныя, преимущественно техническія.

Естественно, что между Петербургомъ и Москвой должны быть существенныя различія, которыя должны отразиться и въ литературѣ разностью точекъ воззрѣнія на одни и тѣ же предметы. Изъ этого могъ бы возникнуть даже споръ, о которомъ говорятъ критикъ «Москвитинина». Но этого спора доселѣ не было, хотя и бывали споры между петербургскими и московскими литераторами. Можетъ быть, это происходитъ отъ сильнаго и быстрого вліянія другъ на друга обоихъ городовъ. Напримѣръ, было время, когда московскіе литераторы (азумѣется, нѣкоторые) упрекали петербургскихъ за то, что тѣ берутъ деньги за свои труды, а не за